

ГЛАВА 13

— Янь Шэнь.

Услышав свое имя, Янь Шэнь обернулся. На ступенях погребя, согнувшись в три погибели, стоял Линь Яньдун. Премьер-министр медленно повернулся к нему всем телом, и в ту же секунду Линь Яньдун быстро сбежал вниз.

Взгляд Лу Силая скользнул мимо Янь Шэня и замер на высоком постаменте позади него. В потускневшей серебряной чаше плескалась обыкновенная вода, на поверхности которой сиротливо покачивалась тонкая, почти прозрачная ледяная чешуйка.

«...»

Великий премьер-министр целое утро простоял здесь, замороженно наблюдая, как тает кусок льда? При виде этой картины Лу Силаю до смерти захотелось рассмеяться, но ситуация была слишком серьезной, и смех застрял в горле.

Однако веселость окончательно испарилась, стоило ему взглянуть в лицо Янь Шэню.

В нем не было ни паники, ни скорби — лишь абсолютная, беспросветная обреченность. Лу Силаю невольно вспомнилось, как несколько дней назад он лежал у ног этого человека, прижатый к земле его шестом. Тогда он подумал, что столь вспыльчивый и заносчивый премьер-министр вряд ли усидит на своем месте долго. Кто же знал, что пророчество сбудется так скоро?

Лу Силай уже собирался уйти, когда Янь Шэнь заговорил.

— Скажи мне... ты ведь Лу Силай, верно?

В его голосе прозвучало такое отчаяние — словно человек перед смертью сжигал за собой последние мосты, — что Лу Силай вздрогнул. Он резко обернулся и увидел на лице Янь Шэня выражение, какое бывает у приговоренных, желающих лишь одного: умереть с ясным пониманием истины.

Неужели он действительно решил сдаться без боя? Куда подевались его былая гордость и самонадеянность?

— Нет, — отрезал Лу Силай. В груди шевельнулась необъяснимая злость. Бросив это короткое слово, он развернулся и выбежал из погребя.

Проводив взглядом исчезающую фигуру Линь Яньдуна, Янь Шэнь тяжело вздохнул. Он снова

посмотрел на серебряную чашу — последняя ледяная крошка исчезла без следа.

В двадцать лет стать премьер-министром, а в двадцать один — лишиться головы? Глядя на воду, Янь Шэнь лишь горько усмехнулся.

— Господин...

У входа показался Чэнь Кэ. Он спустился вниз, выглядя крайне озадаченным.

— Господин, что случилось с управляющим Линем? Он только что ворвался в бухгалтерию и потребовал выдать ему жалованье за этот месяц вперед.

«Настоящий мудрец всегда знает, когда пора бежать», — Янь Шэнь поморщился и устало потер ноющий лоб.

— Отдай ему всё. — Он помолчал и добавил: — Остальных слуг тоже распусти. Чэнь Кэ, ты долго служил мне верой и правдой, и мне жаль, что всё так заканчивается. Иди в бухгалтерию, возьми серебро и уходи, пока не поздно.

Чэнь Кэ в ужасе посмотрел на чашу за спиной хозяина. Увидев в ней лишь лужицу воды, он мгновенно осознал масштаб катастрофы. В глазах рослого, сильного мужчины заблестели слезы, и он рухнул на колени:

— Господин премьер-министр, что вы такое говорите?! Я обязан вам всем, и если нужно — жизнь положу за вас, не дрогнув!

Янь Шэнь ответил холодным, стальным тоном:

— Чэнь Кэ, ты должен понимать: пока живы зеленые горы, не стоит бояться нехватки дров. Уходи.

С этими словами он взмахнул рукавом и снова отвернулся к серебряной чаше.

В поместье князя Нинъяна царила нега. Чжао Цзинжэнь, разомлевший от солнца, возлежал в кресле-качалке посреди сада, лениво потягивая настойку из женьшеня.

— Что там еще? — небрежно бросил он, не открывая глаз.

— Э-э... Ваше Высочество, там какой-то... — начал докладывать управляющий, стоя на галерее,

но не успел закончить.

Кто-то бесцеремонно навалился ему на спину и, замахав руками в сторону сада, зычно заорал:

— Старый любовник! Это я!

Рука Чжао Цзинжэня дрогнула, и порция женьшеневого чая выплеснулась прямо ему на лицо.

Князь подскочил как ошпаренный. Служанки тут же бросились к нему с платками, пытаясь осушить мокрое лицо. Чжао Цзинжэнь долго хранил мрачное молчание, после чего выхватил платок и вытерся сам.

— Прочь, — процедил он.

Когда слуги скрылись, Лу Силай не спеша подошел к нему. Забрав платок из рук князя, он принялся заботливо промакивать его щеки, испачканные чаем.

— Ай-яй-яй... Ну что же ты так неосторожно?

Чжао Цзинжэнь перехватил его руку и с притворной угрозой проворчал:

— А ты храбрец, раз явился в мое поместье после всего.

Лу Силай замер на мгновение, а затем расплылся в подобострастной улыбке:

— А чего мне бояться? Ты ведь сам обещал, что защитишь меня ценой собственной жизни, разве нет?

«И как у него только язык поворачивается нести такую чушь!» — подумал князь. Он уже проклял тот миг, когда в порыве чувств ляпнул нечто подобное, а теперь этот наглец помыкал им как хотел.

Однако утренняя история с дарованным льдом была делом его рук, и Чжао Цзинжэнь знал: Гуань Ваньхэ уже затягивает петлю. Он недовольно покосился на гостя.

«Лу Силай, если ты пришел просить за Янь Шэня, то явно ошибся дверью».

В этот момент Лу Силай без тени смущения уместился прямо на подлокотник его кресла. Качалка опасно накренилась, едва не доведя князя до удара. Наглец же, не замечая неудобств, принялся болтать ногами.

— Послушай, ты ведь обещал отдать мне те два куска нефрита из Хотана. Забыл?

Чжао Цзинжэнь опешил. Честно говоря, он и не надеялся, что Лу Силай придет за ними, и давно выбросил это из головы.

— Так ты за нефритом пришел? — Князь почувствовал странное облегчение. Он хлопнул в ладоши, призывая служанок. — Принесите те два камня, что доставили южные торговцы.

Пока девушки ходили за сокровищем, в саду снова воцарилась тишина. Чжао Цзинжэнь, улыбнувшись, внезапно обхватил Лу Силая за талию и притянул к себе.

— Ох!

Руки князя сомкнулись за спиной парня, он принялся осыпать поцелуями его шею и край уха.

— Оставайся сегодня в поместье, а?

Лу Силай даже не подумал отстраниться. Он просто взял со столика веер князя и принялся вертеть его в руках.

— Зачем это?

— Сам знаешь, — усмехнулся Чжао Цзинжэнь и внезапно прикусил кожу на шее Лу Силая.

— А-а! — Лу Силай пулей соскочил с кресла, прижимая ладонь к шее, где уже расцвело красное пятно. Он принялся отчаянно тереть кожу.

Увидев след от своего укуса, князь удовлетворенно хмыкнул:

— Будешь знать, как прикидываться дурачком.

Лу Силай наконец перестал мучить шею и тяжело вздохнул. Неуклюже развернувшись, он сел на бедра Чжао Цзинжэня, словно на коня, и проникновенно заглянул ему в глаза:

— Послушай, Чжао Цзинжэнь. Между нами ничего не выйдет.

Впервые получив прямой ответ, князь просиял:

— Это еще почему?

Лу Силай ответил с предельно серьезным видом:

— Потому что от двух огурцов счастья не дождешься.

— Ха-ха-ха-ха! — Чжао Цзинжэнь разразился громовым хохотом. Он потянул Лу Силая за затылок, заставляя склониться, и легонько мазнул губами по его углу рта. — Это дело поправимое. Ради такого я, так и быть, согласен быть снизу.

— Мечтай больше!

К счастью, в этот момент вернулись служанки с ларцами из сандалового дерева. Лу Силай тут же спрыгнул с кресла, отчего бедный князь снова едва не перевернулся.

— Кха! — раздраженно кашлянул Чжао Цзинжэнь. Ему пришлось приложить усилия, чтобы остановить раскачавшееся кресло. Он поднялся, раскрыл веер и подвел Лу Силая к подносам.

Служанки поклонились и открыли крышки. На белоснежном шелке покоились два одинаковых по размеру куска необработанного нефрита превосходного качества.

Лу Силай вытянул шею, заглядывая за плечо князя, и невольно присвистнул:

— Ого... Настоящее сокровище Хотана.

Чжао Цзинжэнь, довольный реакцией, захлопнул крышки и знаком велел передать ларцы гостю:

— Забирай. Играйся.

Лу Силай, однако, не спешил брать дары.

— Такой редкий камень... Вдруг я испорчу его, когда начну резать?

Князь рассмеялся:

— Раз я дарю его тебе, можешь хоть выбросить.

— То есть, я могу делать с ним всё, что захочу? — уточнил Лу Силай.

— Бери.

Лу Силай взял только один ларец и замахал руками:

— Ладно, второй пока оставь у себя. Сначала посмотрю, что выйдет из этого.

Чжао Цзинжэнь снова улыбнулся:

— Забирай оба, я ведь для тебя их купил. От этого сырья в моем поместье всё равно никакого толку.

Но Лу Силай упрямо замотал головой. Прижимая к груди один ларец, он лучезарно улыбнулся князю:

— Я приду за вторым в следующий раз!

«В следующий раз?»

Черт возьми... Чжао Цзинжэнь почувствовал, как краска заливает лицо, а всё сознание стремительно перемещается в нижнюю половину туловища. Пока он стоял в оцепенении, Лу Силай, подбрасывая и ловя драгоценную коробку на ходу, весело зашагал к выходу.

Князь долго смотрел ему в спину, пока на губах не заиграла беспомощная улыбка.

— Господин, министр юстиции Гуань Ваньхэ прибыл...

Чэнь Кэ вбежал в погреб с докладом и замер. Янь Шэнь спокойно обернулся, небрежно стряхнул невидимую пылинку с рукава и выглядел при этом неестественно холодным.

— Господин?

— Идем.

Сказав это, Янь Шэнь твердым шагом направился к выходу.

— О-о! Господин премьер-министр! — Гуань Ваньхэ, ждавший во дворе, расплылся в фальшивой улыбке и двинулся навстречу, словно к старому другу.

Янь Шэнь слегка качнулся в сторону, уклоняясь от руки министра, собиравшегося похлопать его по плечу. Гуань Ваньхэ ничуть не смутился.

— Сегодня утром вы получили милость императора, и я прибыл лично поздравить вас!

Янь Шэнь не проронил ни слова.

— До чего же искусная работа... Тот Ледяной Будда был как живой, — Гуань Ваньхэ принялся лениво прогуливаться по саду. — Господин премьер-министр, не окажете ли мне честь взглянуть на этот бесценный дар?

Видя, что Янь Шэнь по-прежнему хранит молчание, министр переставил свое грузное тело поближе и продолжил:

— Лед — материя капризная. За ним нужен глаз да глаз, иначе не убережешь... Уж не хотите ли вы сказать, господин Янь... что он у вас... растаял?

Заметив, как при этих словах Янь Шэнь нахмурился, Гуань Ваньхэ возликовал. Он набрал в легкие побольше воздуха и проорал на весь двор:

— А-ха! Преда...!

— Пыль да грязь? Где-где? Сейчас всё вымету!

Гуань Ваньхэ осекся на полуслове. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, прямо перед его лицом взметнулась метла, подняв целое облако пыли. Министр закашлялся так сильно, что из глаз брызнули слезы.

Не давая пыли осесть, кто-то принялся нещадно тыкать метлой ему в спину. Гуань Ваньхэ, кудахча от возмущения, запрыгал в сторону:

— Ой-ой-ой! Да что же это!

— Ох, и правда, сколько грязи-то развели!

Когда пыль немного улеглась, взорам предстал молодой человек в простом холщовом халате, который с самым серьезным видом принялся остервенело чистить метлой расшитые шелка министра. Кто это мог быть, если не Линь Яньдун?

— Управляющий Линь! — Чэнь Кэ вдруг почувствовал, как в груди разливается странное облегчение.

Сопровождающие Гуань Ваньхэ наконец пришли в себя и бросились отбирать метлу.

— Ха! — Линь Яньдун напоследок с силой прошелся прутьями по пузу министра и отшвырнул метлу в сторону Чэнь Кэ. — Совсем обленились, шагу ступить нельзя, чтобы на грязь не наткнуться! Не заставляйте меня больше заниматься такой ерундой. Я, Линь Яньдун, человек ученый, а махать метлой — это же, как говорится, настоящее позор для грамотея.

С этими словами Линь Яньдун невольно бросил взгляд на Янь Шэня. Увидев, как тот привычно хмурится и отворачивается, он вдруг ощутил прилив почти щемящей нежности.

Линь Яньдун смущенно потер кончик носа.

«Красавец, я ведь только ради тебя и вернулся».

<http://bllate.org/book/17426/1694301>